

Во дворе, кроме Цуй Ланьфан, было ещё немало людей: десяток с лишним человек так загородили и без того небольшой дворик, что стало ещё теснее. Каждый нёс за спиной большую корзину, доверху набитую бамбуковыми трубочками; у некоторых в руках была ещё связка очень толстых бамбуковых шпажек.

Одна женщина в сине-белом переднике стояла впереди всех, уперев руки в бока, и ссорилась с Цуй Ланьфан. Её корзина стояла на земле, а у ног рассыпалось множество бамбуковых трубочек.

— Все мы из одной деревни, другие люди своих поддерживают, а ты что творишь!

— Из других деревень принимаешь! Только мои не принимаешь! Локти у тебя наружу загибаются!

— О-о-о... я поняла! Я поняла! Это потому, что я старшая невестка Цяочжи! У тебя с ней отношения плохие, вот ты и на меня смотреть не можешь! Вот и меня тоже притесняешь! Ай-ё, как же меня обидели!

— Столько бамбуковых трубочек, бамбуковых шпажек и бамбуковых ложечек, мы несколько дней делали! У меня обе руки до крови стёрлись! Мой муж даже от подённой работы в городе отказался, только чтобы делать эту дрянь! А теперь сказала «не надо» - и не надо! К кому идти за правдой!

...

Эта женщина носила фамилию Тянь. Сейчас она во дворе кричала, устраивала скандал, выла во весь голос, нарочно выла так, чтобы все услышали. Говорила она, конечно, жалостливо: мол, её муж ради бамбуковых трубочек даже отказался от подённой работы в городе! Но за такую работу, где и умения особого не нужно, платили очень мало. В древности ручной труд и без того был дешёвым, даже если делать целый день, самое большее заработаешь десяток-другой вэней.

У кого мозги переклинило бы отказаться от подённости в городе за двадцать-тридцать вэней, чтобы заработать эти тяжёлые копейки? В такие слова поверил бы только дурак!

Все были из одной деревни, и какие бы ни были противоречия, наружу их выносить нельзя. Тянь-ши изначально думала, что если поднимет большой шум, прикроется знаменем «своей деревни» против чужих, то деревенские вокруг встанут на её сторону и тем самым заставят Цуй Ланьфан принять её бамбуковые трубочки. Кто же знал, что среди присутствующих ни один человек не поможет ей словом.

— Невестка Ло, да перестань уже шуметь. Нас тут столько людей ждёт, чтобы продать своё, не задерживай всем дело!

— Именно... тебе ведь только что уже ясно сказали: это вы сами сделали бамбуковые трубочки плохо, поэтому Ланьфан их и не принимает. Как ты умудрилась приплести сюда соседнюю деревню?

Деревенские, стоявшие во дворе, все принесли продавать бамбуковые трубочки, и сейчас каждый надеялся, что Цуй Ланьфан примет именно его товар, чтобы удалось заработать несколько медяков и добавить к домашним расходам. Они так долго стояли в очереди и только что всё видели ясно. Цуй Ланьфан ведь выбирала не только из трубочек Тянь-ши: у каждой семьи она просматривала товар, всё неподходящее откладывала и брала только то, что сама отобрала.

Когда Лю Гуюй и Цинь Баньбань вернулись, во дворе уже поднялся шум. Изначально они оба радостно возвращались домой и ещё думали, как покажут Цуй Ланьфан сегодняшнюю добычу с горы, а в итоге, ещё не успев войти, услышали сорванный хриплый голос женщины, которая орала так, будто вот-вот прокричит небо насквозь.

Лицо Лю Гуюя тут же потемнело. Он потянул Баньбань и пошёл внутрь. Лицо Цуй Ланьфан, стоявшей посреди двора, тоже выглядело не слишком хорошо. Она подняла с земли две бамбуковые трубочки, взяла ещё бамбуковую ложку, потом пошла к толпе зевак, показывая им трубочки, и сказала:

— Вы посмотрите, я правда не веду себя безрассудно и не нарочно людей морочу! Когда наш Гуюй принимал бамбуковые трубочки, он ведь всё объяснил ясно. Они должны быть чистыми, без червоточин; бамбуковые шпажки и бамбуковые ложечки надо гладко отшлифовать, без заноз.

— Но вы посмотрите... у этой трубочки на дне такая большая червоточина. Если ей еду наливать, разве всё не вытечет? Как я могу это принять? А вот эта, эта ещё грязнее: внутри уже плесень выросла! И такое тоже можно принести продавать? Разве это не значит смотреть, что меня легко обмануть, и нарочно подсовывать дрянь!

— Про бамбуковые шпажки и ложечки и говорить нечего! Занозы не сточены. Если в рот отправить, разве не порежешь до крови? Наш Гуюй торгует едой! Это вещи, которые идут в рот, конечно, надо быть осторожными!

— Я сначала ведь тоже не сказала, что не возьму. Только попросила старшую сестру Тянь вернуться домой, выбрать чистые, годные бамбуковые трубочки, а шпажки и ложечки отшлифовать как следует. Если она приведёт всё в порядок и принесёт мне, я и тогда приму! Это она сама сочла хлопотным и не захотела, непременно решила силой купить и силой продать. Где в этом справедливость!

Цуй Ланьфан говорила ясно и рассудительно, по ходу показывала всем бамбуковые трубочки, а бамбуковую ложечку даже передала людям, чтобы они сами подержали и посмотрели.

Те взглянули - и правда, всё было именно так: сделано плохо.

— Ай-ё, ну и грязь же!

— Такое и правда в рот сунуть страшно!

— Я ведь говорил, семья Цинь люди разумные, как они могли без причины не принять её вещи!

— Эй... А мои бамбуковые трубочки все сделаны старательно, плохие я сам отбраковал! Если бы она такое приняла, мне, старательно делавшему, тоже было бы обидно!

...

Тянь-ши провела рукой по лицу, на нём на миг мелькнула виноватая растерянность, но очень быстро она её подавила, снова приняв вид человека, который ясно знает, что неправ, но до смерти не признает вины.

— И что с того! Помыть разве нельзя? Ты сама говоришь, что это вещи, которые идут в рот, так перед тем как наливать в них еду, вы что, не моете? И эти бамбуковые шпажки, да с чего они такие драгоценные, будто от одного укола кровь пойдёт! У нас дома палочки для еды так же делают, и никогда ничего не случилось!

Она цеплялась нагло и бесстыже, отчего Цуй Ланьфан тоже вспыхнула.

Характер Цуй Ланьфан уже сильно изменился. Будь это раньше, она, возможно, обидела бы себя и приняла товар, думая: потерплю - и ладно. Но теперь, долго общаясь с Лю Гуюем и Линь Синь-нян, она тоже переменилась и уже не считала, что «потерпеть убыток - к счастью».

Она резко ответила:

— Это у тебя кожа толстая, её не проткнуть! Думаешь, городские гэры и барышни такие же, как ты? Ещё спрашивает, почему не принимаю? Как только не стыдно вслух такое спрашивать! Деньги платит наша семья, чьё хочу - того и покупаю, я плачу, мне и решать! Даже если я вовсе не скажу тебе причину, что ты сделаешь? Не принимаю - и всё! Впредь вещи из твоего дома вообще принимать не буду! Смотрю на тебя, и мне неприятно, вот и не хочу принимать! Так устроит?!

Цуй Ланьфан холодно выкрикнула это, и вокруг стало тихо. Все были поражены. Деревенские десятками лет жили вместе и прекрасно знали характеры друг друга. Все знали, что Цуй Ланьфан мягкая, сговорчивая; если красиво сказать - добрая, если некрасиво - размазня.

И вот сегодня эта самая «размазня» Цуй Ланьфан вдруг смогла сказать такие слова. На вид теперь её уже не так-то легко было задеть, и это ошеломило всех.

Даже Лю Гуюй и Цинь Баньбань потрясённо застыли на месте и не пошли вперёд.

Но Лю Гуюй всё-таки среагировал быстро: придя в себя, он тут же поспешил к ним и сказал Тянь-ши:

— Услышали? Голос достаточно громкий, да? Интересно вам такими мелкими хитростями заниматься? Тётушка, будь я на вашем месте, сейчас же побежал бы домой прятаться, а то боюсь, люди засмеют!

Говоря это, он ещё сложил обе ладони в «трубочку», поднёс ко рту, будто сделал «рупор», и очень громко обратился к Тянь-ши. Окружающие расхохотались, и все пары глаз уставились на Тянь-ши. От этих взглядов у неё лицо и уши покраснелись, голову поднять было невозможно.

Тянь-ши про себя выругалась, подхватила с земли корзину и уже хотела уйти, но, едва сделала пару шагов, Лю Гуюй снова дёрнул её назад.

— Заберите с собой и мусор, который оставили! Или ждёте, что я за вами приберу?

Тянь-ши взбесилась, вырвала руку из пальцев Лю Гуюя и хотела было разразиться бранью. Но Лю Гуюй был выше неё ростом. Хотя силы гэра и уступали мужчинам, в целом они всё же были сильнее женщин, а этот гэр к тому же был тем ещё невежей, который старших и младших не различал; если правда поднимет шум, он уж точно не станет уступать старшему поколению!

Она досадовала, что сегодня вышла из дома одна: теперь в ссоре не переспорить, в драке не одолеть, и ей оставалось только, сдерживая злость, собрать обратно в корзину все рассыпанные по земле бамбуковые трубочки и шпажки, а затем сердито уйти.

Когда она ушла, Лю Гуюй и Цинь Баньбань подошли к Цуй Ланьфан. Лю Гуюй ещё похлопал её по плечу, подмигнул ей и показал большой палец. Увидев, что дело улажено, Ло Цинчжу тоже попрощался с ними и, неся корзину за спиной, вернулся к себе домой.

Во дворе прибавилось двое помощников, и бамбуковые трубочки стали принимать быстрее. Вскоре всё было отобрано: одной рукой отдавали деньги, другой забирали товар, и очень быстро всех людей во дворе проводили прочь. Наконец стало тихо. Цинь Баньбань поспешно побежала к воротам и закрыла калитку, боясь, как бы ещё кто-нибудь не пришёл!

Лю Гуюй потянулся, затем поднял большой палец перед Цуй Ланьфан и похвалил:

— Матушка! Ты только что была просто невероятно крутой!

На самом деле Цуй Ланьфан чувствовала себя немного неловко. Она редко говорила с людьми таким громким голосом, и теперь, опомнившись, ощутила некоторое смущение, но... это и правда было очень приятно.

Цуй Ланьфан смущённо посмотрела на Лю Гуюя и, покраснев, улыбнулась:

— Ах ты ребёнок! Опять начал говорить чепуху!

Лю Гуюй надул губы и недовольно сказал:

— Где это я говорю чепуху! Матушка, разве тебе только что не было очень приятно всё высказать?

Цуй Ланьфан замолчала. Хотя она чувствовала себя неловко, но это и правда было приятно, даже дышать стало куда свободнее!

Лишь спустя долгое время она тихо сказала:

— И правда полегчало... но, но разве это хорошо? Другие увидели, потом ещё за спиной будут смеяться, что я сумасшедшая баба!

Лю Гуюй вытаращил глаза и сказал:

— Да что в этом такого! Уже к нашим воротам пришли задираться, и всё равно терпеть? Если во всём уступать, так и до болезни дотерпеться можно! Человеку надо быть немного грознее: доброго человека люди обижают, доброй лошадью верхом пользуются! Вы посмотрите на тётушку Линь, разве вы считаете её «сумасшедшей бабой»?

Услышав слова Лю Гуюя, Цуй Ланьфан широко раскрыла глаза и поспешно замахала руками:

— Что ты, конечно нет! Твоя тётушка Линь такая сильная женщина!

Лю Гуюй успокаивающе похлопал её по спине и, подхватив эти слова, продолжил:

— Вот и всё! Матушка, верь: однажды ты тоже сможешь стать такой же сильной, как тётушка Линь!

В это время Цинь Баньбань тоже подошла, послушно кивнула Цуй Ланьфан и сказала:

— Мама! Я считаю, что только что ты была очень хороша! Особенно хороша!

Когда Лю Гуюй и Цинь Баньбань вдвоём стали её утешать, Цуй Ланьфан немного смущённо провела рукой по лицу и сменила тему:

— А как вы погуляли в горах? Грибов набрали?

Тема перескочила довольно резко, но это как раз была тема, которая нравилась Цинь Баньбань. Она радостно улыбнулась, перевернула бамбуковую корзину со спины вперед и показала Цуй Ланьфан.

Ещё сказала:

— Конечно набрали! В горах очень много грибов! Побегов бамбука тоже много, я видела ещё столько маленьких острых кончиков, завтра, боюсь, будет ещё больше!

Поскольку на горе повсюду были грязь и ветки, Цинь Баньбань не стала надевать свою любимую заколку с персиковыми цветами, а просто заплела две простые косы и вышла из дома. Но вернулась она уже с цветочным венком на голове: его сплели из ивовых ветвей и вставили в него цветы всех оттенков. Маленькая девочка тоже любила прихорашиваться и быть красивой. Прежде в семье не было таких условий, и она не осмеливалась этого показывать, боялась расстроить мать. Но теперь всё было иначе: вся она стала намного живее, полюбила наряжаться, а в свободное время ещё и тайком возилась с волосами вместе с Ло Майэр.

«Лёгкая и стройная, ей чуть больше тринадцати, словно кардамон на кончике ветви в начале второго месяца».*

(ПП: Это строки из стихотворения «Посвящение» знаменитого поэта эпохи Тан Ду Му, 803-852гг)

Прелестная девочка вызывала нежность; Цуй Ланьфан с ласковым лицом погладила Баньбань по всё более светлой и чистой щёчке и улыбнулась так, что глаза сощурились.

— Наша Баньбань правда красавица!

Однако внимание Цинь Баньбань сейчас было вовсе не на цветочном венке. Она достала из корзины один гриб и, привязавшись к Цуй Ланьфан, сказала:

— Мама, посмотри же, грибы, которые я нашла, ещё красивее! Брат Лю ещё сказал, что сделает мясной соус с дикими грибами! Уже по звучанию очень ароматно!

Лю Гуйюй тоже кивнул, понёс корзину грибов в кухню и принялся готовить мясной соус с дикими грибами.